

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 19–26, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-19-26
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

The De Facto Modernization: Structural Deformations of Russia's Socio-Cultural Environment on the Eve of the Second Russian Time of Troubles

Dmitri I. Lyukshin ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Abstract. The article defines the problem of criteria for the Russian modernization accelerated by war needs in 1914–1917 and consequences of such acceleration. It underlines that the existing deductive methods once inherent to Soviet historiography are of hardly any use when it is required to adequately describe and estimate multiple events of the Red Time of Troubles, though it is evident enough that there were a number of relatively autonomous scenarios of descent into chaos. Thus, the paper aims to analyze certain historical subjects against the background of the all-Russia drama of 1917. Deconstruction of these discourses shall also facilitate understanding of the general nature of 1917 collisions.

Studies of the history of the Muslim feminist movement in Russia seem to be a most promising line of research. The ideas of gender equality were not that popular with the Muslims, but the very fact of their existence could be interpreted as an indicator of a crisis of Russian Mohammedans' traditional social structure initiated by the Great War that contributed to the further qualitative modernization of the society. Women's congresses became an innovational form of social communication and introduced a requirement of gender equality to the agenda of the all-Russian Muslim movement.

The short-lived period of rapid growth over, the women's movement within the *ummah* was opposed by male Muslims who considered the women's activities untimely. At the same time, Bolshevik decrees went far beyond any feminist projects as such and — as social tensions escalated — predetermined the rollback of Muslim women's social activities: existential modernization projects were removed from the agenda; practices of social bricolage were initiated behind the fence of utopia, the former aiming to reduce the public spirit to zero. Still, the spiritual emancipation of women in Islam held back in the early 20th century is relevant enough for the 21st century when traditional Islam has faced some radical subcultures and extremist movements the ideology of which happened to be popular with the female public.

And though Islamic feminism in national and foreign historiography is still a provoking trend rather than a socio-political movement deserving scholarly attention, the early 21st century might become a starting point in the systematic struggle of Russia's Muslim women for their civil and social rights.

Keywords: Second Russian Time of Troubles, Islamic feminism, peasants, peasant issue, marginals, modernization, workers' issue, Russia, feminism.

Исследовательский интерес к событиям Первой мировой войны, месту и роли России в ней, подпитываемый вековым юбилеем Великой войны, позволил, в конечном итоге, дезавуировать в отечественной историографии гипотезу о неготовности страны к войне и неспособности народа довести её до победного конца. Однако это, вне всякого сомнения, выдающееся достижение отечественной исторической науки заставляет с позиций объективного исторического анализа обратиться к вопросу о движущих силах и причинах коллизий 1917 г., обернувшихся трагедией Второй русской смуты.

С этой точки зрения успехи в развитии военного сектора промышленности, рост высокотехнологичных производств и промышленности вообще, продемонстрированные Россией, должны быть рассмотрены в контексте тех социальных трансформаций и культурных деформаций, которыми они сопровождались. Некоторые из них уже попали в поле зрения исследователей и даже оказались изучены. Речь идёт, в первую очередь, о подрывной деятельности думской оппозиции, заговоре элит и саботаже союзников. Важным фактором дестабилизации страны можно признать бурные миграционные потоки: так, 15 млн мужчин были призваны в армию, не менее 5 млн чел. переселены из западных районов и бежали из Турции [Курцев 2017], свыше 3 млн военнопленных оказались на территории России. Эти людские массы формировали особую маргинальную субкультуру войны, деформируя массовое сознание и патриархальную мораль. Ещё одним важным фактором маргинализации населения, нарушения культурного баланса и социальной стабильности можно признать взрывное увеличение численности рабочих и внутренние трудовые мобилизации, в результате которых было перемещено порядка 4 млн чел. Имперский организм, до того времени относительно успешно «переваривавший» инокультурные формы, захлестнутый миграционными потоками, просто не справлялся с их канализацией в стабильные структуры повседневности. В результате социальные институты и государственные механизмы оказались в состоянии некоторого противоречия, настоятельно требовавшего разрешения. Однако вывод об агонии империи или исчерпании её жизненного потенциала, очевидный для дискурса советской и постсоветской историографии, не представляется безусловным, хотя бы потому, что руководство Российской Федерации — явно

не вопреки мнению большинства населения — декларирует (хотя и не слишком настойчиво) преемственность и интегральный характер российской политики и геополитической доктрины на протяжении более чем тысячи лет¹.

В общем контексте военных усилий России 1916 год выглядит переломным: к началу 1917 г. удалось добиться колоссального скачка военного производства. В 1917 г. отечественная промышленность готова была в изобилии снабдить русскую армию почти всем необходимым, в то время как недостающее готовы были предоставить и уже предоставляли страны Антанты². Беда пришла, откуда не ждали: разрушение армейской и флотской инфраструктуры привело к превращению «единственных союзников России» в её могильщиков, а гипер-модернизация социума обернулась его энтропией. Исторически совпавшие с антимонархическим заговором служилой и бизнес-элит, эти процессы получили в пропагандистских дискурсах именование российских революций (февральской и октябрьской)³.

¹ 3 марта 2011 г. Указом Президента РФ Д. Медведева № 267 было решено возродить торжества. Документ предписывал организовать подготовку и проведение празднования 1150-летия зарождения российской государственности в 2012 г. Дата праздника приурочена к открытию памятника «Тысячелетие России» в Новгородском Кремле в 1862 г.

² Скажем, производство винтовок, запланированное на 1918 г., в полтора раза превышало заявки Ставки; уже в 1917 г. начал формироваться переизбыток боеприпасов тяжелой артиллерии; а легкая подошла бы к 1918 г. с откровенным заговариванием боеприпасами; к концу 1917 г. из-за явного переизбытка пришлось сворачивать выпуск боеприпасов к бомбам. Союзники были готовы финансировать программу строительства военных заводов, а об объёмах поставок вооружения красноречиво свидетельствует тот факт, что пулемётами Льюиса вооружались ещё части народного ополчения, защищавшие Москву в 1941 г. (при этом проблема дефицита запчастей и боеприпасов не возникала).

³ На самом деле, интересно здесь то, что, хотя первое поколение советской элиты прекрасно осознавало природу и специфику социальных трансформаций военного времени, уже руководители следующего, хрущёвского призыва, в практической работе не прикрываются пропагандистскими лозунгами, а руководствуются ими, — что, в конечном итоге, и сделалось причиной социокультурного тупика, в котором разложилась социалистическая идеология и переродились властные институты.

Схоластический характер дискурсивной формации гипотезы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую обнаруживает себя как в канонических нарративах, посвящённых 1917 г., так и в содержании академических дискуссий. Так, с конца 1930-х гг. сталинское определение Октябрьской революции становится эталонным, а в ходе развернувшихся в 1960-х гг. споров консерваторов и сторонников нового направления определение процента беднейшего крестьянства в структуре российского села, являющееся (по мнению авторитетного крестьяноведа Т. Шанина) злой насмешкой над логикой и смыслом исторических исследований, не служит решению исследовательской проблемы, а лишь позволяет маркировать консерваторов-сталинистов и обновленцев-шестидесятников, сошедшихся в схватке за политическое доминирование.

Между тем задача составления объективной летописи событий 1917 г. встала в повестку дня лишь в начале 90-х гг. прошлого века в связи с явившейся в обществе потребностью объективно оценить собственный потенциал и природу постсоветских структур повседневности. Однако сохранение в дискурсивной формации иллюзорной дихотомии социалистической / общенародной революции не позволило в полной мере разрешить проблему кризиса 1917 г.

Очевидно, что господствующий — конформистский по сути — дискурс пучка революций не позволяет вскрыть генезис и природу многих интеракций Красной смуты, хотя наличие нескольких относительно автономных сценариев вползания в смуту не вызывает сомнения. Остаётся лишь разобраться с каждым из этих сюжетов, при этом непротиворечивое их истолкование позволит, вероятно, продвинуться и в понимании общей природы коллизий Семнадцатого года. В этом смысле анализ феминистского движения и степени его интеграции в общий поток модернизационных проектов представляет несомненный интерес для исследователей. Одним из наиболее экзотических и в то же время знаковых элементов представляется феномен исламского феминизма, сочетающий в себе как программные установки джадидистского проекта, так и анастрофические последствия милитаризации отечественной экономики, составлявшие базу для деформации патриархальной структуры российского общества вообще.

Среди социально-культурных и политических презентаций, которыми были так богаты первые десятилетия XX в., идеи гендерного равенства в исламском обществе составляют заметный, а в российском исполнении ещё и весьма оригинальный сюжет.

Идеи женской эмансипации в мусульманской среде возникли в контексте прогрессивного обновления социально-культурного уклада мусульманского общества. Вестернизация быта казанских татар (находившихся, как и турки, в зоне активного контакта европейской и азиатской культурных традиций) сопутствовала некоторому раскрепощению нравов. Систематическое общение с русским населением, поездки за границу (включая центры мусульманского модернизма) способствовали большей раскованности взглядов и критическому восприятию обычаев, утвердившихся в повседневной жизни и быту мусульманской семьи. В частности, уже к началу прошлого века татарский женский костюм постепенно утратил свои архаичные черты. Весьма популярными в татарской среде становятся многочисленные магазинчики и лавочки, торгующие одеждой из Европы. Важным фактором развития женского мусульманского движения стало развитие светской системы образования. Так в начале XX в. постепенно формировался тип и образ мусульманской феминистки.

Но, хотя индикаторы идентичности и самоидентичности указывают на наличие мутаций в самосознании мусульманок, их социальный статус и место в семье по-прежнему определялись шариатскими практиками. Бурные споры по женскому вопросу в печати, дебаты на апрельском съезде женщин-мусульманок в Казани, всероссийских мусульманских съездах (Москва, Казань, 1917 г.) свидетельствуют о том, что идеи гендерного равенства были довольно экспрессивно и весьма неоднозначно восприняты уммой.

Мощный импульс женское движение получило в России в годы Первой мировой войны, но референтной группой для российских феминисток оставались просвещённые мужчины благородного происхождения, достижение социального статуса которых и становится целью женских социально-политических организаций. В результате российский феминизм принял характер суффражистского движения, цели и лозунги которого были далеко не очевидны большин-

ству россиянок. Дело осложнялось тем, что законодательные ограничения по признаку пола объективно ставили «женский вопрос» в российскую политическую повестку дня, а следом — и в «джентельменский набор» программных требований политических партий. Собственно говоря, сами активистки отечественных Союза равноправия женщин (СРЖ) и Лиги равноправия женщин почитали своей задачей внедрение «женского вопроса» в сознание демократической интеллигенции, тем самым вынося женское движение на периферию политического процесса. Как правило, такая постановка дела являлась отражением жизненного мира самих суфражеток, которые в России, по большей части, не переживали конфликт с маскулинным миром, а были женами и матерями, разделявшими труды своих интеллигентных мужей, демобилизовавшихся из народнических кружков.

Возможно, поэтому основным лозунгом российских феминисток в 1917 г., сформулированным на Всероссийском женском делегатском съезде, проходившем в Москве в начале апреля, стало требование участия женщин в выборах Учредительного собрания, которое было вполне удовлетворено Временным правительством уже 20 июля 1917 г. и законодательно закреплено в сентябре того же года. Излишне говорить, что на страницах либеральной прессы введение женского избирательного права в России оценивалось как инновация, которую «можно только приветствовать», а пришедшие к власти большевики обеспечили женщинам такой объём политических прав и свобод, о котором феминистки Старого и Нового света могли лишь мечтать.

Одним из немногих исключений оказывается женское мусульманское движение. Среди его представительниц, по свидетельству современника, «были и почтенного возраста женщины, и интеллигентки-учительницы, и студентки авторитетных учебных заведений, и выпускницы учебных заведений, и познавшие опыт жизни представительницы трудящихся женщин» [Всероссийский съезд мусульманок... 2017]. Собравшийся в Казани в конце апреля 1917 г. Всероссийский съезд мусульманок, солидаризовавшись с лозунгом избирательных прав для женщин, пошёл значительно дальше в деле социальной рефлексии, сделав предметом публичной дискуссии не только вопросы отношений в мусульманской се-

мье, но и проблемы гендерного равенства, мусульманского гардероба и т. п. Майский Всеобщий Всероссийский мусульманский съезд под давлением активисток женского движения и их сторонников из либералов и социалистов признал равенство мужчины и женщины. Однако явное противоречие резолюции московского съезда ряду аятов (282-й 2-й суры (о свидетельствовании на суде), 11-й 4-й суры (о наследовании) и 34-й 4-й суры (о попечительстве мужей над женами)) вызвало бурную полемику на Втором (июльском) всеобщем мусульманском съезде в Казани. По его итогам феминистская программа оказалась фактически свёрнута, а соответственно предпринятая мусульманскими активистками попытка выработать свой модернистский проект, который, не ставя под сомнение мусульманскую идентичность, формулировал бы новую, основанную на принципах демократии и гражданского общества, фактически завершилась.

Позднее, в ходе превращения политического кризиса в brutальный конфликт Второй русской смуты, эссенциальные модернизаторские проекты, в том числе и исламского феминизма, оказались сняты с повестки дня общества, в котором за фасадом утопии актуализировались практики социального бриколажа, предполагающие редукцию гражданского чувства до состояния атрофии. Но это вовсе не означает, что мир магометанской деревни существовал, не испытывая воздействия внешних вызовов и внутренних кризисов. К тому же было бы, на наш взгляд, не совсем корректно ограничивать поле социокультурного кризиса православным сообществом, под напором модернистских инноваций затрещали традиционные устои всех сельских миров, а патримониальная форма организации деревенской жизни принялась повсеместно давать сбои.

Война 1914–1918 гг. вскрыла и убедительно показала не только пороки и слабости российской бюрократии, но и неспособность общественного организма империи функционировать в модернизирувавшемся за годы всемирной войны социальном пространстве. Судя по всему, поддерживавшая общественный консенсус патримониальная структура, на протяжении веков обеспечивавшая корреляцию интенций социальных и государственных институтов, во многих своих сегментах оказалась неспособна обеспечить воспроизводство просистемной

идентичности, поскольку номенклатура социальных маркеров, достаточных для соотнесения себя с «Третьим Римом», явилась анахронизмом в период формирования национального самосознания, соответствующего времени смены второго технологического уклада третьим.

Запуск процесса технологической революции (неотрефлексированный ни правящими элитами, ни либеральной оппозицией), без чего победить в Великой войне было бы невозможно, обернулся не только созданием высокотехнологичных инновационных производств и соответствующих им социальных страт, но и естественным стремлением членов этих классов к самоидентификации, удовлетворить которое традиционные конфессионально-имперские образы уже не могли¹. В этих условиях, когда национально-философская мысль лишь начинала осознавать бытие молодого национального тела, широкое распространение получили суррогатные (например: батальоны смерти или женские батальоны) и маргинальные (питерские хулиганы, одесские бандиты и т. п.) формы идентификации. При этом сохранение имперской идентичности позволяло удерживать их на положении субкультур, дополняющих и уточняющих идентичность, формировать её посредством имплантации в тело империи новых государственных институций, навряд ли Государственной Думы или Комитетов по... А вот следствием её демонтажа естественным образом оказалось разрушение базовой идентичности и замещение её субкультурными ценностями, немедленно институционализировавшимися в самых причудливых формах². Проще говоря, если некоторые органы обновлённого имперского организма с трудом понимали друг друга и тужились уяснить необходимость толерантного сосуществования, то после краха империи они объективно — просто отстаивая свои жизненные установки — оказались в состоянии тотального конфликта (войны всех против всех), который с XVII в. в России и называли Смутой.

¹ Позволим себе обратить внимание читателя на то, что имперская идентичность не противоречила модернистской, просто её было уже недостаточно.

² Иллюстрацией этого процесса может служить повальное увлечение аббревиатурами и акронимами, характерное для идентификационного процесса смутного и послесмутного времени.

Потребовались время и силы сначала для восстановления общегосударственной идентичности, а затем и для внедрения её в сознание масс. При этом новая сверхидентичность³, не отрицая локальные субкультуры, активно поглощала их, создавая площадку для нового социального консенсуса. Это обстоятельство оказалось решающим для того, чтобы brutальное противостояние политических акторов, охарактеризованное как Гражданская война, сменилось феноменальной толерантностью советского общества⁴. Отметим при этом, что хотя эти деформации были характерны для всех конфессиональных групп Среднего Поволжья, наибольший резонанс вызвали их инкарнации в исламских анклавах.

В частности, весной 1916 г. жандармские аналитики отмечают массовые пьянки мусульман во время Сабантуя. Хотя изначально внимание имперских охранителей привлёк факт нарушения сухого закона, однако всерьёз обеспокоились они из-за того, что в магометанских дионисиях активно участвовали члены крестьянских общин, до того момента придерживавшиеся шариатских норм, которые, как известно, употребление спиртного совсем не приветствуют. Соответственно, культурные коды тех, кто пил на Сабантуе, должны были испытать существенную деформацию, которая осталась незамеченной жандармами. Можно сказать, что пьяных татар в провинциальной России следовало опасаться гораздо больше, нежели трезвых, поскольку этот вид подданных был неизвестен. Великая война вообще не только ускорила так или иначе решение «домашнего задания» для российских либералов, она создавала совершенно немыслимые гуманитарные формы, среди которых «конные матросы», напавал сразившие Ф. И. Шаляпина, были ещё далеко не самыми экзотическими. Чего стоил, например, brutальный эротизм в эстетике Маты Хари, символом которого в России становится шуба-клош из каракуля [Калед... 2017]: инфляция жизни вызвала и обесценение личности. Вот настоящий источник этой странной бравады, игры со

³ В законченном виде явленная обществу в 1938 г. Книгой книг большевизма.

⁴ Вопрос о том, почему этот консенсус оказался неспособен к развитию и модификации следует задавать специалистам по нацистроительству и, во всяком случае, рассматривать за пределами данного нарратива.

смертью, позволявшей ощутить вкус жизни, когда вопрос, стоит ли один день всей жизни, даже не ставился, потому что речь шла лишь о том, подарит ли тебе судьба этот миг. Эти люди-мгновения, чьи обнаженные нервы обуглились до полного бесчувствия, не вписывались ни в одну из ниш имперской социальной структуры, да и в традиционной общественной организации места для них тоже не находилось. И эти непонятные новые мусульмане уже пришли и жили среди обычных людей, имманентно создавая некую новую культурную ауру с неизвестными, а потому пугающими параметрами, однако, удостоверившись в патриотических настроениях подданных мусульман [НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1605. Л. 42, 108, 108 об.], власти не стали углубляться в выяснение причин мамадшского загула¹. Тем более, что жандармов не хватало даже для серьезной борьбы со шпионами и революционерами. В 1917 г. география праздничных возлияний на Сабантуе расширилась, а к концу года даже татарские барышни кое-где не гнушались опрокинуть стопку-другую. По данным жандармов, в городах они даже принялись осваивать древнейшую профессию [НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1611. Л. 12, 68-71; Оп. 1. Д. 34. Л. 107-133]. Мужчины же взяли за правило взбадривать себя горячительными напитками [НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1611. Л. 59]. Сами по себе случаи публичного и открытого пьянства можно расценить как парадоксальные факты исламской повседневности, но не менее удивительной представляется реакция обществ и мулл на происходящее, точнее — отсутствие этой самой реакции. То обстоятельство, что мусульманское духовенство не выступило с решительным порицанием такого поведения, свидетельствует не только о массовом, но и глубинном характере процессов социальной деформации в исламских сообществах, не находивших в себе сил подвергнуть порицанию пьющих женщин и мужчин.

Ещё одним индикатором кризиса социально-культурной архитектуры мусульманской деревни является отход женщин на промыслы. Великая война вообще открыла перед женщинами завораживающие карьерные перспективы [Чайковский... 2017]. Поэтому неудивительно, что, не дожидаясь

исхода социально-политических диспутов и жандармских разысканий, татарские крестьянки того же Мамадышского уезда уже с весны 1915 г. работали на пристанях, погрузке леса, причём, судя по жандармским отчётам, зарабатывали очень неплохо [НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1088. Л. 20 об.]. Кроме того женщины, преимущественно вдовы и солдатки, трудились на строительстве железной дороги [НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1555. Л. 16 об.]. Примечательно, что получаемое вознаграждение (1 руб. 80 коп. в день, т. е. на 30 коп. больше, чем мужик-подёнщик с лошадей) позволяло солдаткам не обращать — в некоторых случаях нарочито — внимания на ограничения норм этики выживания, а также игнорировать мирские притязания на признательность и компенсацию затраченных трудовых ресурсов. Однако эмансипация поволжских мусульманок отнюдь не была плодом их мечтаний. Изменения своего статуса и динамику окружения они рассматривали как явление временное. Так, в донесении унтер-офицера Ивана Акутина, наблюдавшего в 1915 г. за положением дел в Чебоксарском уезде, указывается: «Солдатские жёны отказываются выходить из общины до конца войны» [НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1089. Л. 21 об., 22].

Мнится, однако, что полученный за время войны опыт гендерной автономии едва ли мог остаться под спудом. Освобождение мусульманок, их социальное равноправие и правосубъектность, всё ещё составлявшие предмет теоретических дискуссий, становились элементом структур повседневности вне зависимости от степени отрефлексированности этих новелл.

Для движения женщин-мусульманок было характерно отсутствие сегментации социально-гражданских и правовых идей, сочетание исламской идентичности и противоречие аятам Корана. В целом исламский феминизм оставался немногочисленным, но энергичным течением джадидистской традиции, активизировавшимся в годы Великой войны, а особенно после падения монархии в России. Между тем, вне зависимости от институционализированного (или, по крайней мере, отрефлексированного) феминистского движения во время Первой мировой войны происходит эмансипация женщин в исламских общинах Среднего Поволжья, обусловленная решительным изменением социально-экономического статуса некоторых женщин-мусульманок. По-

¹ Именно магометане Мамадышского уезда Казанской губернии принялись первыми «восхвалять Диониса».

казательно, что если организованные формы исламского феминизма за время Красной смуты деградировали, то спонтанная эмансипация, напротив, получила заметный толчок, и хотя наиболее заметной она оказалась всё же в городах, но наличие деревенских эмансипе можно квалифицировать в качестве показателя глубинной природы процессов социокультурной динамики, опосредованных интенцией генезиса национальной идентичности, набравшей силу в российском обществе в начале прошлого века, тем более что вопиющее противоречие шариатским нормам, оказавшееся неразрешимой теоретической проблемой, легко снималось в рамках структур моральной экономики села.

Эти, в общем-то, автономные тренды в исламском феминизме лишь исторически не оказались в состоянии конфликтной коммуникации. Позднее оба направления были деструктурированы советской властью, целенаправленно выступавшей против джадидистского феминизма. Советская версия гендерного равноправия также далеко превосходила программу бытовой эмансипации, намеченную в годы Великой войны. Однако подобное положение дел не решало вопросы гендерного равноправия в исламской общине, а снимало их посредством ликвидации уммы как социального института.

Участие мусульманок в процессах модернизации и интенсификации российской экономики, обусловленных Великой войной, приобрело массовый характер, что, в свою очередь, опосредовало формирование маргинальной социокультурной среды, где конфессиональная самоидентичность отступала на периферию сознания, в то время как гражданская ещё не сформировалась. Именно поэтому одним из центров движения исламского феминизма оказался регион Средней Волги, российская провинция, где были не слишком развиты интеллектуально-философские практики, зато присутствовали мощные традиции интеркультурной коммуникации, джадидистского просвещения и этноконфессиональной толерантности.

Хотя исламский феминизм для отечественной и зарубежной историографии остаётся скорее эпатажирующим образом, нежели социально-политическим течением, заслуживающим пристального внимания исследователей; начало XX в., вероятно, можно определить в качестве некоей услов-

ной границы, за которой начинается отсчёт систематической борьбы женщин-мусульманок в России за гражданские и социальные права.

Этот уникальный сюжет отечественной истории может служить как свидетельством высокой степени развития трендов модерна в российском обществе, так и примером того, в какие причудливые формы порой облекался социальный прогресс, железной поступью которого прикрывались политические акторы, стремившиеся мобилизовать общественные силы на реализацию своих умозрительных утопий. То обстоятельство, что это движение не выступало в качестве единой политической силы, равно как и деструкция всех его направлений в годы советской власти, отнюдь не могут служить доказательством недостаточного влияния движения исламских феминисток на ход и итоги социально-политических процессов 1917 г.

Благодарности

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-31-12034.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан.

Литература

Всероссийский съезд мусульманок [электронный ресурс] // URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?1564> (дата обращения: 25.08.2017).

Калед. Каракулево безумие // Петроградские Ведомости. Цит. по: Каракулево сумасшествие и безумие бомбежек // Российская газета // «Родина» [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2017/01/11/rodina-gazety.html> (дата обращения: 25.08.2017).

Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России // История. Исторические статьи, опубликованные в ведущих научных журналах [электронный ресурс] // URL: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii> (дата обращения: 20.08.2017).

Чайковский В. Женщина на железнодорожной службе // Журнал для женщин. 1917. март // 1917. Свободная история [электронный ресурс] // URL: <https://project1917.ru/groups/308>. (дата обращения: 25.08.2017).

Sources

NA RT – *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan]:

References

Vserossiyskiy s'ezd musul'manok. Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g. – Vserossiyskiy s'ezd musul'manok [All-Russia Muslim Women's Congress. Russian Muslim movement for women's rights in 1917]. Medina Publ., Available at: www.id-medina.ru/books/regions/?1564 (accessed: 25 August 2017) (In Russ.).

Kaled. *Karakulevoe bezumie* [The karakul frenzy] *Petrogradskie Vedomosti. Tsit. po: Karakulevoe sumasshestvie i bezumie bombezhek Rossiyskaya gazeta «Rodina»* (Petrogradskiye Vedomosti. With reference to: Karakul madness and folly bombing. *Rodina* Russian gazette).

Available at: <https://rg.ru/2017/01/11/rodina-gazety.html> (accessed: 25 August 2017) (In Russ.).

Kurtsev A. N. *Bezhentsy pervoy mirovoy voyny v Rossii* [Refugees of World War I in Russia]. *Istoriya. Istoricheskie stat'i, opublikovannye v vedushchikh nauchnykh zhurnalakh* [History. Historical articles published in leading scientific journals]. Available at: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-voyny-v-rossii> (accessed: 20 August 2017) (In Russ.).

Chaykovsky Vs. *Zhenshchina na zheleznodorozhnoy sluzhbe* [Women on the railway service]. *Zhurnal dlya zhenshchin, mart 1917 Svobodnaya istoriya* (Women's Magazine. March, 1917. Free History). Available at: <https://project1917.ru/groups/308> (accessed: 25 August 2017) (In Russ.).

УДК 94

МОДЕРНИЗАЦИЯ DE FACTO: СТРУКТУРНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ РУССКОЙ СМУТЫ

Дмитрий Иванович Люкшин¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация). E-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Аннотация. В статье формулируется проблема критериев российской модернизации, ускоренной военными нуждами 1914–1917 гг., а равно — последствий ускорения. Предлагается ряд индикаторов уровня модернизации социума к началу 1917 г., ставится вопрос соответствия скорости развития промышленности социокультурной структуре российского общества. Особое внимание уделяется феминизму в Поволжском регионе, в частности, такому явлению как исламский феминизм. Показано, что идеи женского равноправия не получили в мусульманской среде большой популярности, однако сам факт их наличия может быть истолкован как индикатор кризиса традиционной социальной организации российских магометан. Одной из инновационных форм стали женские съезды, работа которых способствовала включению лозунгов гендерного равенства в повестку дня общероссийского мусульманского движения. Пережив короткий период бурного роста, женское движение в умме испытало противодействие мужчин-мусульман, полагавших выступление женщин несвоевременным. Сворачиванию социальной активности мусульманок способствовали и другие факторы. Автор приходит к выводу: хотя исламский феминизм для отечественной и зарубежной историографии остаётся, скорее, эпатазирующим образом, нежели социально-политическим течением, заслуживающим пристального внимания исследователей, начало XX в., вероятно, можно определить в качестве некоей условной границы, за которой начинается отсчёт систематической борьбы женщин-мусульманок в России за гражданские и социальные права. Решение объективных задач духовного раскрепощения женщин в границах исламской традиции, насильно снятое с повестки дня в начале XX в., оказалось вновь актуальным для начала XXI в., когда классический ислам столкнулся с проблемой радикальных субкультур и экстремистских движений, идеология которых оказалась востребована женской аудиторией.

Ключевые слова: Вторая русская смута, исламский феминизм, крестьянство, крестьянский вопрос, маргиналы, модернизация, рабочий вопрос, Россия, феминизм.